

НАША СЛОЖНАЯ ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА

рассказ

Сергей ЛУЦКИЙ

г. Жуковский

Московской области

Куратор нашей группы чувством такта не отличалась. Перед классным часом Валентина Григорьевна могла остановиться в дверях аудитории и долго молча смотреть на нас. Ее лицо не предвещало ничего хорошего. Кому-то предстояла выволочка.

Так было и на этот раз.

— Рая, ты ничего не хочешь мне рассказать? — наконец спросила куратор и, раздраженно цокая каблуками, прошла к преподавательскому столу.

Вместо имени Лабковской могли прозвучать имена Лиды Хиоро или Бэллы Ицекзон. Девчонок в нашей группе обработки металлов резанием было всего трое, остальные — ребята. В группу набирали практически одних парней: считалось, что обработка металлов — мужская профессия.

— Рая, я к тебе обращаюсь. Ты ничего не хочешь мне рассказать? — напористо повторила Валентина Григорьевна и выдержала паузу.

Делать это она умела мастерски. Видимо, не зря говорили, что до нашего техникума Валентина Григорьевна преподавала литературу и русский в театральном училище.

Рая Лабковская поднялась. Девчонкой она была симпатичной: что называется, соболиные брови, белая кожа, четкий рисунок припухлых губ. От слов Валентины Григорьевны Рая слегка покраснела.

Допрос куратора сам по себе удовольствие ниже среднего. Но, когда его свидетелями становятся двадцать семь парней, любой девчонке на месте Раи захотелось бы провалиться сквозь оба техникумовских этажа.

Рая молчала.

— А по-моему, тебе есть что рассказать мне. Кто тот молодой человек, с которым тебя вчера видели у дверей общежития?

— Знакомый, — потерянно ответила Рая. И совсем тихо добавила: — На танцах познакомились. Он меня провожал.

— Громче!

– Провожал после танцев.

– Ой ли?

Рая подняла глаза на Валентину Григорьевну, словно спрашивала: «А что еще могло быть?»

– Мы взрослые люди, Валентина Григорьевна, третий курс, – раздался голос за моей спиной. Похоже, неловко за происходящее было не только Рае и Лиде с Бэллой, но и ребятам. – Что, девчонки не имеют права на танцы ходить? И чтобы потом их провожали?

– Встань, Виктор! Ты как разговариваешь?!

– взорвалась Валентина Григорьевна.

Я оглянулся: Витька Кувшинов, ухмыляясь, поднялся. Он был пофигист, как сказали бы сейчас. Единственное, к чему относился серьезно, это спортивная гимнастика. Он был чемпионом города по программе кандидатов в мастера.

– Вы – дети, хотя считаете себя взрослыми! Я отвечаю за вас перед вашими родителями. Большинство – из сёл, а в городе много соблазнов! Вас должно вверх тянуть, к звездам, к светлым чувствам, а не в подворотни!..

– Началось, – буркнул, не поднимая головы, Рома Сербенюк. Он сидел рядом со мной. Рома смахивал на цыгана: смуглолицый, с черными вьющимися на концах волосами. Ему явно не хотелось, чтобы Валентина Григорьевна поняла, кто это сказал. Не все такие отвязанные, как Кувшинчик. Попадать в немилость к куратору он не хотел. Но все же тихо добавил: – Выворачивайте себя наизнанку... – Это был любимый призыв Валентины Григорьевны на классном часе.

– Да-да, выворачивайте себя наизнанку, ничего не скрывайте! – не смутилась Валентина Григорьевна, хотя ее явно подкалывали. – Рая, сейчас это прежде всего касается тебя. Я хочу знать о вас всё. И ничего смешного в этом нет, Роман! Я хочу, чтобы вы росли настоящими людьми, достойными нашего общества. Чтобы не в подворотни и темные углы вас тянуло, а в высь, к звездам – к литературе, к классической музыке, к театру!..

Это сейчас подобные слова кажутся неестественными, напыщенными, а в пору нашей молодости...

Валентина Григорьевна неожиданно замолчала. Две слезинки поползли по ее щекам. Подобное случалось и раньше, но аудитория всё равно притихла. А я опять подумал о предыдущем месте работы нашего куратора.

Я не любил Валентину Григорьевну. Не только за демагогию и неискренность. Отчуждение появилось еще во время вступительных экзаменов. Конкурс в техникум был большой, на нашу обработку металлов – четыре с половиной человека на место. Почти как в институте.

Первым экзаменом был диктант, отрывок из очерка «Владимир Ильич Ленин» Горького. Там была такая фраза: «Но вот поспешно вошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». По правилам орфографии полагалось бы написать «...картаво произнес: «Товарищи!», что большинство абитуриентов и сделало.

Конечно, мы еще не знали и знать не могли, что могут существовать авторские написание и пунктуация. Итог диктанта: из тридцати человек нашей абитуриентской группы после первого экзамена отсеялось семнадцать. Оставшиеся тринадцать получили по тройке, в том числе и я, окончивший восьмой класс с похвальной грамотой.

Валентина Григорьевна традиционное написание сочла за грубую ошибку, а быть может, и за посягательство на авторитет классика. Времена к тому располагали. Впрочем, у отсеявшихся были, наверно, и другие ошибки – настоящие. Но выбрать на вступительный экзамен текст с авторским написанием!.. Да еще в техникуме, где главными были математика, сопромат, теоретическая механика и другие точные науки!..

«Дурно пахнет», – много позже услышу я по схожему поводу от одного своего старшего коллеги. Вскоре после начала учебы я понял подоплеку «резни» на первом экзамене. Нужно было сразу же отсеять как можно больше абитуриентов, а получившим тройки не дать стипендии.

Бескомпромиссный подросток, относиться к Валентине Григорьевне с уважением я после

этого не мог. Впрочем, мое уважение ей было до лампочки. Расположение директора техникума стократ важнее. Или завуча, который, возможно, приложил руку к этому «проекту».

Была у Валентины Григорьевны еще одна коробящая меня черта. Она могла прийти на экзамен, сесть рядом с принимающим его преподавателем и просидеть до последнего сдающего. Подоплека была ясна и нам, и преподавателю. Куратор хотела сделать нашу группу лучшей в техникуме, и при ней, так трепетно болеющей за своих студентов, преподавателю, естественно, будет неудобно ставить тройки, а тем более двойки.

Так и выходило. Ниже четверки никто в нашей группе оценки не получал, даже «неприкасаемые» — так мы называли нескольких взрослых парней, отслуживших в армии и позабывших едва ли не всё, чему их учили в школе, но каким-то чудом принятых в техникум. Впрочем, никакого чуда не было. Поступить в техникум «неприкасаемым» помогла Валентина Григорьевна, это со временем всплыло. Ей нужна была опора в набираемой группе — взрослые парни, которые станут ее во всем поддерживать, а при необходимости и усмирять нас, недорослей. И она не просчиталась.

Естественно, отношения между нами, недавними школярами, и «неприкасаемыми» не складывались. Заветной мечтой большинства было разобраться с ними на выпускном вечере. Сделать это раньше мы не могли — вылетели бы из техникума с треском.

Но я был бы несправедлив, утверждая, что всеми правдами и неправдами делаю нашу группу лучшей в техникуме, Валентина Григорьевна заботилась только о своей карьере. Отсутствие в зачетках троек позволяло всем нам получать стипендии. Деньги были небольшие, но совсем не лишние. Даже для городских ребят, которых дома всегда накормят. А вот многим сельским парням стипендия позволяла учиться: не каждому родные могли помогать.

И все равно сидение куратора на экзаменах «дурно пахло»! Как и выбор текста диктанта на вступительных.

Сейчас, давно уже взрослый, я с усмешкой вспоминаю себя молодого. Прекраснодуш-

ный оболтус! Жизнь неоднозначна и противоречива. Истина избитая, но быть истиной от этого не перестает. Случай с Ромой Сербенюком подтвердил ее. Цыгановатый наш Рома так некстати влюбится перед дипломной практикой, что его четыре с лишним года учебы в техникуме могли пойти коту под хвост. Но об этом позже.

Противоречивость жизни состояла еще вот в чем. Несмотря на Валентину Григорьевну и на необходимость экономить каждую копейку, жить впроголодь, ночами корпеть над чертежами и расчетами, техникумовские годы тем не менее станут для меня самыми счастливыми. Звучит нескромно, но я понимаю Пушкина: «Отечество нам Царское Село!» Александр Сергеевич всю жизнь хранил теплые чувства к лицеистам. Как и я — к своим однокурсникам.

Юность вообще самая благодатная пора для дружбы. После службы в армии у меня будут хорошие знакомые, приятели, с которыми можно выпить и откровенно поговорить о заводских делах. Но настоящие друзья останутся в комнате номер восемь общежития по улице Ленинградской, да еще в ностальгии по ним и по тому времени.

Мы вместе ходили на танцы в клуб железнодорожников, именуемый в обиходе «железкой». Вместе пошили себе модные костюмы с пиджаками на одной пуговице, когда во время заводской практики стали неплохо зарабатывать. В столовой брали уже не котлеты, цветом и вкусом напоминавшие сухари, а полноценные бифштексы, окаймленные зеленью и с желтоглазым яйцом сверху. Мы почувствовали себя не затурканными студентами, а «белыми людьми», которым жизнь улыбается ласково и покровительственно.

Именно тогда в нашу комнату номер восемь зачастили налитая, крепкая, как октябрьский кочан капусты, Лида Хиоро и носатенькая Бэлла Ицекзон. Они приносили пироги собственной выпечки с лоснящимися сверху корочками или посыпанный сахарной пудрой «хворост», который готовится в кипящем масле. Заходила и Рая Лабковская. В отличие от Лиды и Бэллы, она, как и мы, жила в общежитии и блеснуть кулинарным искусством не

могла. Рая смотрела на пофигиста и гимнаста Витьку Кувшинова так, что ребята давно поняли: ничего им не обломится. А уж ее кадру, за отношения с которым Раю в свое время отчитывала Валентина Григорьевна, тем более.

Почему девчонки так прониклись к нам, до сих пор по-настоящему не понимаю. Женским чутьем догадывались, что техникумовские годы станут и для них самыми памятными и что скоро жизнь разбросает нас навсегда? Что семьи, которыми они обзаведутся, будут им дороги, но сердца все равно занюют, когда в семейных альбомах наши бывшие однокурсницы станут наткаться на выпускную фотографию группы обработчиков? И это тоже, как у нас, вызовет печаль об ушедшем молодом времени?..

Где вы теперь, наши девчонки? Где Витя Еденюк, Коля Агапий, Славка Кусов, другие ребята? Живы ли? Ведь мы давно уже немолоды, мы «едем с базара». Но я помню и люблю вас, ребята.

Появлялся в нашей комнате и Рома Сербенюк. Его тянуло к нам, сельским парням. Городским он был номинально, жил Рома в пригороде, именуемом Малёванкой, больше походившем на село. У Ромы была удивительная мама, она сама предложила нам встречать праздники в их доме, готовила стол, на который мы дружно скидывались. Меня почему-то звала паном, возможно, из-за польской фамилии. Она не делала тайны из того, что Ромин отец прошел лагеря и оттого рано умер. Посадили его после присоединения Буковины к Советскому Союзу. Якобы за то, что был членом подпольной организации, хотя и сочувствующей СССР.

Это было странно и в моем сознании не укладывалось. Ведь свой, за что в лагеря?! Я верил и не верил Роминой маме. Большинство молодежи считало, что нам повезло: мы живем в лучшей стране мира, а отдельные недостатки — это временное. «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Партия твердо обещала...» Об этом твердили по радио, писали газеты.

Но Рому всё это, похоже, мало интересовало. Последнее время он ходил смурной, на себя не похожий. И в техникуме, и тогда, когда загля-

дывал в нашу восьмую комнату. Он и раньше особой жизнерадостностью не отличался, а теперь и вовсе выглядел подавленным. Рома особенно стал похож на цыгана, застойная тоска сыла в его черных глазах. На все наши расспросы коротко отвечал: «Все нормально, пацаны», — долго у нас не задерживался.

Чувствовалось, человек не находит себе места, что-то его томит и мучает. Помочь ему мы не могли. Как это сделаешь, если он молчит?.. О Роминых непростых отношениях с малёванской соседкой Орысей нам тогда ничего известно не было.

Во время производственной практики мы позволяли себе то, о чем раньше могли только мечтать. О модных костюмах, пошитых в ателье, я уже говорил. Но были еще другие, прежде нам недоступные, радости жизни. Например, дни рождения в ресторане. Конечно, мы не гусарствовали, но всё было вполне прилично. На пять рублей с носа тогда это можно было сделать. И мы оказались бы последними жлобами, если бы не приглашали на такие дни рождения своих однокурсниц, так изменившихся к нам. Единственное неудобство состояло в том, что приходилось прятать руки. На белых ресторанных скатертях они бросались в глаза. На заводе мы часто имели дело с чугуном, мельчайшая стружка которого больше напоминала пыль и надолго въедалась в руки, особенно — в ладони, и почему-то пахла парфюмерией.

Потом была преддипломная практика, город Хмельницкий, раньше именуемый Проскуровым, о котором писал в «Поединке» Куприн. Белый медленный дым струился над кучами палых листьев в осенних скверах; местный машиностроительный завод, выпускавший редукторы, один из которых стал темой моего дипломного проекта; почти игрушечный чехословацкий самолет на четыре пассажира, на нем мы после практики возвращались в наш город. И модная песенка (сейчас бы сказали «шлягер»), которая начиналась словами: «По переулкам бродит лето, солнце льется прямо с крыш...» Песенка эта засела в памяти, стала обрамлением преддипломной практики, хотя были уже не лето, а осень, сентябрь с октябрём...

Озадачил Рома. Потолкавшись несколько дней на заводе, он уехал домой, ничего нам не сказав. Это потом мы узнаем, что причиной была любовь. Без своей Орыси он не мог. Мы Рому отказывались понимать. Любовь любовью, но где он возьмет для дипломного проекта материал? Да и отзыв, что прошел преддипломную практику, ему, как и всем нам, нужно было представить в техникум. Дело серьезное, это не пару прогулять. В общем, мы недоумевали.

И, можно сказать, изумились, когда не увидели Рому в просторном кабинете черчения, который нам, дипломантам (звучит!), выделили для работы. Валентина Григорьевна, заглянув как-то и обежав нас взглядом, спросила:

– А что с Сербенюком? Болеет? Почему не занимается дипломным проектом?..

Валентина Григорьевна по-прежнему интересовалась нашей группой, хотя куратором уже не была. Она выводила в передовики новую техникумовскую группу – «букварей». При встрече с ней я здоровался, хотя и сдержанно. Выглядеть жлобом при всем моем отношении к ней не хотелось.

– Так что с Сербенюком? К нему кто-нибудь ходил, узнавал?

К Роме мы ходили, я в том числе. Окраина есть окраина. Заборы, разбитый асфальт, едва присыпанный первым снежком, трещат под ногами подернутые непрочным льдом лужи... Дома Ромы не оказалось, мать послала за ним сестру, такую же смуглую и курчавую, как он. Судя по всему, она знала, где может быть брат. Не сразу, но Рома появился, и по лицу было видно, насколько неинтересны ему и мы, и всё, что можем сказать. Рома жил своей потаенной, нам непонятной жизнью.

На наши слова, что, не защитив диплом, он теряет четыре года, что напрасными окажутся и сопромат, и теоретическая механика, и высшая математика, и кропотливое машиностроительное черчение, Рома улыбался со снисходительным видом, будто знал что-то нам недоступное.

– Сам подумай, осталось защитить дипломный проект – и всё!.. – убеждали мы. – Смотри в Хмельницкий, скажи, мать тяжело болела, тебя срочно вызвали. Ну, поставишь бу-

тылку руководителю практики, он мужик нормальный. Поможет по-быстрому материал собрать, отзыв напишет...

Рома хмыкнул:

– Я и без диплома проживу. Армию отслужу и пойду станочником на завод. Всё нормально, пацаны.

– Ты подумай!

– А чего думать. Я всё решил.

Было еще несколько походов на Малеванку. Рому нам так и не удалось уговорить. А шел уже декабрь, до защиты дипломов оставалось две недели. Мы смирились. Ну, не хочет человек!.. Да и нереально за две недели сделать расчеты, начертить общий вид редуктора, детализовку, схему поточной линии, написать пояснительную записку страниц на пятьдесят... В конце концов Рома взрослый человек, это его жизнь, ему решать.

Мы так и сказали Валентине Григорьевне, когда она в очередной раз заглянула в чертежный кабинет и спросила о Сербенюке. Валентина Григорьевна поджала губы и записала Ромин адрес. Я про себя усмехнулся: сейчас-то чего она суетится? Какая ей корысть? Пусть выводит в передовики «букварей», укрепляет свой авторитет лучшего куратора. Наша группа – отработанный материал...

Что Валентина Григорьевна говорила Роме, какие приводила доводы, мы не узнали. А Рома отмалчивался, когда через несколько дней все-таки появился в кабинете черчения. Оказалось, успел съездить в Хмельницкий и привезти все нужное для работы над дипломом – поступил так, как мы ему безуспешно втолковывали. Однако сделать расчеты и три, а то и четыре ватмана чертежей он все равно не успевал.

Но у него были друзья. Всей комнатой номер восемь мы навалились на Ромин дипломный проект, отставив на время свои. Хотя и досадно было знать, что Валентину Григорьевну он послушался, а нас нет, мы помогли сделать расчеты, начертить и общий вид редуктора, и детализовку. А пояснительную записку Рома написал сам – почерк должен быть его. В техникуме за этим следили.

За несколько дней до нового, тысяча девятьсот шестьдесят шестого года наша группа об-

работки металлов успешно защитилась. В том числе и Рома Сербенюк. «Неприкасаемых» мы не вздули — как-то не до того было. Для большинства ребят наступала новая жизнь: нам принесли повестки. В начале января почти всю группу призывали в армию. Время было не призывное, не осень, но, видимо, план городским военкоматом выполнен не был, и поэтому вышло так.

Провожали нас с площади у клуба железнодорожников — «железки», в которую мы ходили на танцы. Провожающих было много. Из райцентра приехали мои родители, мама стояла у окна автобуса, снизу смотрела на меня, подбородок ее дрожал. Слез я не любил, мама проводила под глазами рукой, показывала ладонь: мол, сухая, не плачу.

— Где твоя Орыся? — повернул я голову к Роме. Как и в техникумовских аудиториях, сидели мы в автобусе рядом. — Покажи, а то я только слышал, а ни разу её не видел.

— У меня с ней всё. Завязал, — не сразу ответил Рома. — Сказал, чтобы не приходила.

— То есть? — удивился я. — Сумасшедшая любовь, чуть без диплома не остался — и пожалуйста!..

— Горячая слишком. Сказала, без **** уже не может.

— Может, заводила тебя?

— Нет. Я ее знаю.

Застучал двигатель автобуса, ЛАЗ стал медленно выбираться из толпы. Я приник к окну, смотрел на родителей: мама, не таясь, плакала, отец прощально поднял руку.

Я с облегчением вздохнул. Не люблю прощаний и слез.

— Не понимаю я тебя, чувак! — с досадой сказал я. — Разве плохо, если кадра горячая? Лучше, когда лежит бревном?

Проплывали за окнами неповоротливого ЛАЗа улицы, которых мы три года не увидим. Мелькнула милицейская будка у спуска на улицу Ленина.

Рома молчал.

— Она меня из армии не дождется. Трахаться будет, — наконец выдал он. — Чего я буду переживать, мучиться? Лучше сразу завязать.

— Откуда знаешь, что не дождется?

— Знаю! — отрезал Рома и зло взглянул на меня.

Я замолчал. В самом деле, с какой стати лезу в чужие дела? Здесь Роме решать, он лучше свою Орысю знает.

Автобус осторожно спускался по крутой улице Ленина. По бокам проплывали дома старинной кладки. На тротуарах лежал натоптанный снег. Еще бы, начало января. Прощайте, Черновцы!..

Положительная сторона армейской службы в том, что есть время думать, особенно в караулах. Уставы пустоту в душе заполнить не могут, в какой-то мере ее заполняли письма от ребят и родителей, но не всю. С Ромой я тоже переписывался, но об Орысе в его письмах не было ни слова. Я не спрашивал.

Ходишь по периметру поста, на плечо давит ремень АКМ, пояс оттягивает подсумок с двумя рожками, туго набитыми патронами. Не отпускают мысли о «гражданке», о комнате номер восемь, о нашей группе обработчиков, о родителях, с которыми толком не попрощался, придурок. Я пытался разобраться в своей двадцатилетней жизни и во многом другом, в отношении к Валентине Григорьевне в том числе. Армейская повседневность на многое заставляла взглянуть иначе — трезвее, без молодой фанаберии.

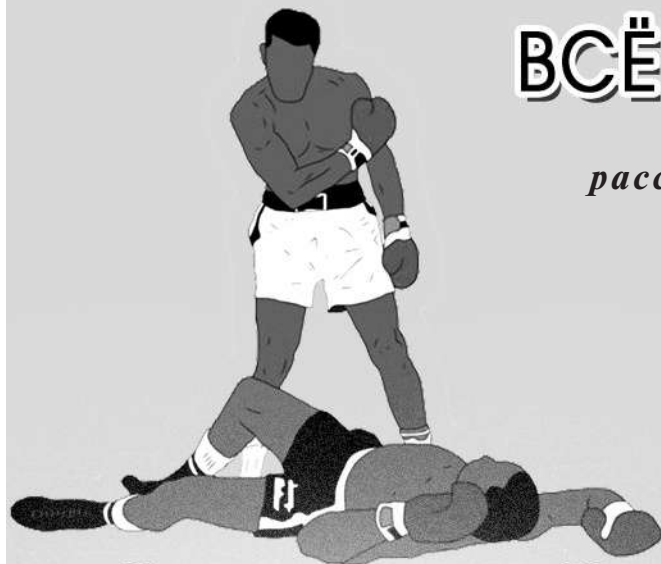
Валентина Григорьевна мне не нравилась, основания для этого были. Но вот ведь парадокс. Даже небезупречными своими поступками она многим помогла. Не говорю уж о случае с Ромой Сербенюком. Благодаря ей он и окончил техникум. Наша помощь, которой мы в душе гордились, не понадобилась бы, если б не Валентина Григорьевна. Взрослая жизнь в самом деле сложна и неоднозначна, как ни избито это звучит. Она не арифметика, она — алгебра. И всё же, всё же...

Прийти к однозначному выводу я так и не смог. Головой все понимал, сердцем — нет. Может, потому ни разу и не написал нашему бывшему куратору из армии — боялся быть неискренним, сфальшивить.

Только однажды поздравил открыткой с Восьмым марта.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ ВСЁ...

рассказ

Размышляя о несправедливости жизни (с возрастом — почти спокойно, без горечи), я натываюсь на роскошную тенистую зелень Парка имени Низами, на крики смуглых бодельщиков вокруг импровизированного ринга в одном из его уголков, на белый китель папы с орденскими планками, на мамино нарядное крепдешинное платье, на раздавленные ягоды перезревшего тутовника вдоль дорожек парка и фиолетовые кляксы от них...

Домой офицеров отпускали неохотно, даже по воскресеньям. Папин артиллерийский полк был расположен на одном из островов, прикрывавших вход в бакинскую бухту. Отсюда, видимо, и эти строгости, дополнительно накладываемые и на без того строгую армейскую жизнь. И если папа получал увольнение на воскресенье, для нашей семьи это было праздником.

Мне трудно представить жизнь ребят, у которых не было отцов, хотя время шло послевоенное и у многих отцы не вернулись с фронта. Трудно, наверно, еще потому, что семьи офицеров и сверхсрочников жили обособленно в военном городке и с бытом гражданского населения почти не сталкивались. Как можно обходиться без волнующего запаха портупей, которую папа снимал, переступив порог дома? Без запаха «Казбека» в роскошной коробке с черным всадником в бурке на фоне белых гор? Как не замирать от преданности и любви, когда папа мимоходом гладил полной своей ладонью твою голову? Как не отираться возле него весь воскресный день, вызывая недовольство мамы, которая тоже соскучилась по нему?..

С папой было интересно, он был веселый выдумщик. За живой предприимчивый нрав папа дал мне домашнее имя Коммерсант, брату Лёне — Бухгалтер. Лёня был бледный, тихий, переболевший малярией и действительно напоминал невзрачного конторского служащего. Воскресные летние вечера семья нередко проводила на самодельной скамейке возле нашего щитового дома, и папа, например, мог объявить конкурс между мной и младшим братом на лучшее исполнение стихотворения или песни.

На глазах тонул закат в недалеком Каспийском море, стояла редкая для Апшерона безветренная погода. Мы с Лёней старались изо всех сил. Победитель премировался тремя рублями. Победенного умный папа тоже одаривал тремя рублями, дабы не вызвать неприязни к брату и скрасить побежденному горечь поражения.

Но интересней всего были воскресные походы в Парк культуры и отдыха имени Низами. В пору нашего детства это был едва ли не единственный зеленый островок, оазис неподалеку от военного городка. Всё остальное было привычным и убогим — асфальт, обширные проплешины песка и чахлые деревца, которые никак не могли по-настоящему прижиться в сухой, пропитанной нефтью земле, шары несомой ветром верблюжьей колючки.

В зеленом раю Парка Низами легко было представить Тарзана, затаившегося в кронах высоких деревьев (фильм о диком человеке триумфально шел по стране), но рядом с нами был папа в своем белом выходном кителе с планками наград на груди, и мы ничего не боялись.

— Интересно! — сказал однажды папа, останавливаясь у входа в парк. — Первенство по боксу среди молодежи... Как, хлопцы, посмотрим?

На фанерном стенде для объявлений был прикреплен лист белой плотной бумаги. На нем изображались стоящие один напротив другого два человека в длинных трусах и с большими коричневыми кулаками. Смотрели они друг на друга, нагнув головы, исподлобья. Ноги у боксеров были полусогнуты, казалось, парни вот-вот начнут приседать, как во время физзарядки.

— Обычный мордобой, ничего хорошего, — осуждающе отозвалась мама. — Нечего им на это смотреть.

— Не скажи. Будущим мужчинам надо уметь дать сдачи. Как, хлопцы, посмотрим?

Лёня по причине малолетства собственного мнения не имел, а мне было интересно, хотя о боксе я почти ничего не знал. Эра телевизоров практически еще не наступила. Однако большие коричневые кулаки впечатляли. Ребята в военном городке довольно регулярно дрались.

— Пап, а что у них такое на руках?

— Как — что? Специальные боксерские перчатки, пора бы уже знать!.. Фильм такой был, «Первая перчатка». Не смотрел?

— Откуда им знать? Фильм довоенный, — вступилась мама. И тут же опять недовольным голосом выразила свое отношение к боксу: — Ладно, пошли в парк, а то как прилипли!..

Первым делом была карусель. Мама волновалась, не стошнило бы меня или Лёню. Но, как правило, обходилось. Потом шел тир, в котором можно было выиграть приз. Однако цифры на «бомбах» (их сбрасывал самолет, скользящий по тросику и запускаемый точным выстрелом) никак не складывались в призовую сумму.

«Жулик! — говорил папа о смуглолицем человеке, распорядившемся в тире, и уводил нас. Портить выходной ему не хотелось, и он добавлял едва ли не с восхищением: — Это ж надо так подобрать на бомбочках цифры, чтобы никто выиграть не мог!..»

— А не прогуляться ли нам, хлопцы? — наконец спрашивал папа, когда семья, пройдясь по парку и побывав едва ли не на всех аттракционах, опускалась на какую-нибудь из рейчатых скамеек в тени. — Пусть мама пока почитает, не будем ей мешать. Я правильно, мама, говорю? — И едва заметно подмигивал нам.

Мы с Лёней давно ждали этих слов. Но у мамы были причины с подозрением отнестись к папиным словам. Подняв от книги лицо (выходное крепдешиновое платье предполагало и книгу в руках, и тенистую скамейку, и послушных воспитанных детей, как в любимых мамой книгах), мама испытующе смотрела на папу. И, выпадая из образа, на всякий случай грозилась пальцем:

— Смотрите мне! А то после каждого воскресенья у них горло болит!..

— Ну что ты! — Папа в оскорбленном недоумении поднимал плечи с золотыми погонами на белом кителе. — Мы и близко к кафе не подойдем!.. Обещаем, хлопцы?

Мы с братом торопливо кивали, про себя опасаясь, что папа в самом деле выполнит обещание и мороженого нам сегодня не видать как своих ушей, по крайней мере, столько, сколько захотим.

На открытой веранде кафе упоительно сладкое мороженое подавали в запотевших металлических вазочках. До сих пор чувствую пальцами холод этих блестящих гладких вазочек. Пломбир был если уж не вершиной нашего воскресного счастья, то одним из его пиков. И пусть на следующий день у нас болело горло и мама, ругая уехавшего ранним утром на службу лукавого папу, заставляла полоскать горло противной марганцовкой.

В тот раз все вышло по-другому.

— Сначала посмотрим бокс, — решил папа, едва мы отошли от рейчатой скамейки, на которой осталась мама с книгой. Он прислушивался к крикам и свисту со стороны летнего театра. — Бокс учит мужеству. Пошли! — и повел нас к затянутым плюсом решетчатым стенам недалекого летнего театра.

— А мороженое?.. — дружно заныли мы с Лёней.

— Будет вам и мороженое. Но потом.

На сцене летнего театра большим квадратом были натянута веревка (позже я узнал, что их называют канатами, а сцена была рингом), за веревками, как на афише при входе в парк, топтались два взрослых парня. Оба в майках и длинных трусах, на руках — большие коричневые перчатки, о которых я уже знал, что они боксерские.

Разница была лишь в том, что парни не замерли на месте, как на афише, а прыгали один вокруг другого, норовя ударить. Рядом с ними все время суетился какой-то человек в черных брюках, белой рубашке и с усиками, как у Чарли Чаплина. Это, объяснил папа, был рефери, то есть судья.

Болельщики на лавках перед сценой радостно вопили, если удар кого-нибудь из боксеров приходился в лицо или голову противника. «Врежь ему от души!», «Завали его!» и что-то еще, но по-азербайджански. В военном городке, когда ребята дрались, появлялись их мамы или какие-нибудь другие тётки, стыдя и ругаясь, разгоняли драчунов. А здесь человек с чаплинскими усиками даже не думал стыдить и разгонять. Болельщики же бурно радовались каждому удачному удару и в азарте даже вскакивали на лавки.

У боксера в синей майке уже был разбит нос, кровь по губам стекала на подбородок. Видеть это было неприятно, а парня жалко. Когда судья что-то крикнул и, взяв его за локоть, повел в образованный веревками угол, я подумал, что драке под названием «бокс» конец. Но женщина в белом халате вытерла парню скомканным бинтом подбородок и нос и кивнула судье: можно продолжать. Тот, все так же держа парня за локоть, повел его в центр ринга. Там, нетерпеливо переминаясь, дожидаясь коренастый соперник в красной майке.

«Бокс!» — скомандовал судья и отскочил в сторону. Коренастый сразу же ударил, и его противник рухнул. Свист и восторженные вопли зрителей были, наверно, слышны во всех уголках парка.

Судья, наклонившись над лежащим, стал говорить что-то отрывистое и в такт взмахивал рукой. «Открыл счет, — сказал папа, не отрывая глаз от ринга. — Если сейчас не поднимется — нокаут, проиграл!» Мне показалось, что и на нашего обычно добродушного веселого папу подействовал общий азарт.

Лежащий боксер с трудом поднялся, принял стойку, даже попытался ударить противника в красной майке, однако ноги плохо держали его, и он промахнулся. «Всё, поплыл», — сказал папа с досадой. Красный боксер ударил точно, и синий опять упал. Судья и на этот раз начал считать, наклонившись над ним и взмахивая рукой. Но самое большее, что сумел сделать синий, — это ненадолго встать на четвереньки. Потом опять заваливался на бок. Кровь из носа текла на доски сцены.

— Десять! — закончил считать судья. — Нокаут!

Раздвинув канаты, на ринге появились два крепких парня и поставили на ноги упавшего. В их движениях и на лицах было презрение. Слабак!.. Судья взял проигравшего за запястье выше перчатки, с другой стороны, пританцовывая и всем своим видом показывая, что готов еще раз как следует врезать, к судье приблизился второй боксер. Судья взял и его за запястье. Зрители восторженно засвистели и принялись топтать ногами по гулкому дощатому полу летнего театра.

Когда был объявлен победитель и перчатка красного взлетела вверх, на ринге появился какой-то человек в костюме и, несмотря на жару, в галстуке. В руках у него блестел кубок. Похожие стояли в уголке спортивных достижений нашей школы. Я уже знал, что завоевать кубок очень почетно.

— Так это был финальный бой, оказывается, — с некоторым разочарованием заметил папа, почти не слушая человека в костюме с галстуком. — Мы опоздали, к самому концу пришли! Черт, жалко!..

Но меня поразило другое. Мужчина в костюме протянул кубок не тому, кто едва держался на ногах и был весь в крови, а боксеру в красной майке.

Я изумленно посмотрел на папу. Почему?.. Мало того, что до крови побили, так еще кубок дали другому! Разве это справедливо? Разве честно?..

Парень с кубком, неуклюже зажав его в негнушейся перчатке, продолжал пританцовывать в боксерской стойке. Время от времени он, выбрасывая вперед свободную руку, будто наносил удары. Зрители вокруг нас восторженно орали.

— Жизнь — тетка суровая, слабых не любит, — отозвался папа на мой удивленный взгляд. —

Умей быть сильнее, умей побеждать!.. — он взял нас с Лёней за руки и повел к выходу из зеленого театра. — Ну что, ребята, теперь по мороженому? Как вы?

— Я не хочу, пап...

Отец наклонился ко мне, молча посмотрел в глаза.

— Это пройдет, сынок, — негромко сказал он. — Так бывает. Думаешь, красного не били? Не валялся он на полу?.. Главное — подняться и дать сдачи. Привыкай к жизни, ты мужчина. И тебя будут бить, и ты будешь.

Я молчал, едва не плача.

□

Сергей Артемович ЛУЦКИЙ

родился в 1945 г.

*Окончил индустриальный техникум
и Литературный институт им. А.М. Горького.*

Прозаик.

*Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь», «Урал»,
«Врата Сибири», «Роман-газета», «Сибирские огни» и др.*

*Трижды лауреат премии губернатора ХМАО-Югры по литературе,
Всероссийской премии имени Д. Мамина-Сибиряка и др.*

Автор более десятка книг,

в их числе «Десять суток, не считая дороги»,

«Яблоко в желтой листве», «Параллельные миры»,

«Варианты Надежды Вилоровны».

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

